

МОЛЛА НАСРЕДДИН И МОДУСЫ ДИСКУРСА

Т.А. Майсак

Институт языкознания РАН, НИУ «Высшая школа экономики»
timur.maisak@gmail.com

В статье А.А. Кибрика о параметрах классификации дискурсов (Кибрик 2009), которую, как мне представляется, с полным основанием можно назвать программной, среди прочего приводятся два примера исследования языковых различий между устным и письменным дискурсом при совпадении содержания. В обоих случаях анализировались рассказы, которые сначала были записаны в устной форме, а затем изложены тем же человеком письменно; в одном случае это был рассказ на языке навахо атабаскской семьи, в другом — несколько историй из жизни, рассказанных носителями русского языка. Отмечалось, в частности, что в письменных вариантах изложения использовалось меньше предикаций (клауз), чем в устных, при этом предложения были длиннее; в письменном дискурсе содержалось существенно больше ИГ (в том числе «тяжелых») и различных типов зависимых предикаций, тогда как в устном оказалось больше частиц и дискурсивных маркеров (Кибрик 2009: 8–9, 16–18).

Работая с дагестанскими языками, я давно думал о том, что было бы интересно сравнить устное и письменное изложение одного и того же сюжета, и настоящая статья посвящена как раз такому сравнению, хотя и с некоторыми оговорками. Ниже я сопоставляю устный и письменный варианты популярного анекдота о Молле Насреддине, изложенного на агульском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи). Цель сопоставления — проверить, какие языковые различия между устным и письменным модусом дискурса можно обнаружить, пусть даже на примере очень небольшого текста. Поскольку объем каждого из двух вариантов изложения составляет менее десяти предложений, здесь можно говорить даже не о мини-, а лишь о микроисследовании. Тем не менее, как я покажу ниже, некоторые различия между двумя модусами можно заметить даже на таком ограниченном материале.

По сравнению с упомянутыми выше исследованиями устных и письменных дискурсов в навахо и в русском языке мое микроисследование имеет ряд отличий. Два сравниваемых текста порождены разными людьми и, более того, представляют два разных говора агульского языка. Устный вариант заимствован из (пока не опубликованного) Устного корпуса агульского языка,

собранного Д.С. Ганенковым, С.Р. Мердановой и мной в 2004—2008 гг. в агульских селах Агульского и Курахского районов Дагестана. Текст № 120 «Как Малла Насреддин насмешил людей» записан в 2008 г. в с. Хпюк (рассказчик — Муталиб Курбанович Гусейнов, 1932 г.р.) и представляет одноаульный хпюкский диалект¹. Расшифровка аудиозаписи не подвергалась никакой стилистической или иной обработке. Отмечу, что выделение данного фрагмента именно как «текста» связано с тем, что в нем излагается отдельный сюжет. Однако сам по себе этот фрагмент входит в большую последовательность рассказов, записанных у М.К. Гусейнова в рамках одной сессии. В частности, тексту № 120 предшествовало несколько сказок и несколько других сюжетов о Молле Насреддине. Этим объясняется тот факт, что изложение начинается как будто бы «не с начала» (первая фраза — «Люди ему сказали...») — не содержит полного именованного героя, поскольку он тот же, что в предшествующем рассказе).

Письменный вариант заимствован из книги Мазанаев, Базиева 2014: 210–211, сборника агульского фольклора (текст дан там без русского перевода). Он записан на тпигском говоре, который является и основой агульского литературного языка. По сравнению с устным вариантом, в этом тексте имеется вступление, в котором говорится о событиях, предшествовавших основному случаю (а именно, о том, как Молла Насреддин нарубил в лесу дрова и сварил себе хинкал), а также заключение, в котором повествуется о последующем развитии сюжета. Ниже мы анализируем только ту часть, которая соответствует событиям из устного варианта.

Излагаемый в двух текстах анекдот о Молле (Малле) Насреддине — как кажется, один из наиболее известных. В этом анекдоте односельчане, опасаясь, что Молла Насреддин пойдет на похороны вместе со всеми и начнет вести себя там неадекватно, просят его не ходить на кладбище на этот раз, обещая ему дать за это по мерке зерна. Однако Молла Насреддин, не вытерпев, приходит с пустыми мешками на кладбище, чтобы получить обещанное зерно, пока все находятся в одном месте. Это вызывает смех у его односельчан. В некоторых аспектах изложение различается: например, после обещания Моллы не ходить на кладбище в устном тексте говорится о похоронах, тогда как в письменном — о том, что Молла делал дома. Естественно, различия между двумя текстами связаны и с собственно диалектными различиями в морфологии двух говоров: так, форма аориста (прошедшего перфективного) в хпюкском имеет суффикс *-ne*, а в тпигском *-naj*, инфинитив глагола ‘давать’ в хпюкском выглядит как *ic'as*, а в тпигском как *jis* и т. п. От такого рода различий я в дальнейшем отвлекаюсь.

---

¹ О диалектной системе агульского языка см. подробнее Майсак 2014: 375–378.

Суммирую те различия между устным, спонтанным изложением анекдота и подготовленной, письменной его версией, которые связаны именно с различным лингвистическим представлением одного и того же сюжета.

Количество предложений и предикаций (клауз). В устном тексте больше число предложений (9), чем в письменном (7). Также в устном тексте больше число предикаций (17), чем в письменном (15).

Длина предикаций. В устном тексте среднее число слов на предикацию составляет 4,2 (от 1 до 9 слов), тогда как в письменном среднее число слов на предикацию составляет 3,7 (от 2 до 6 слов).

Полные ИГ. В устном тексте 16 полных (неместоименных) ИГ, в том числе две достаточно тяжелых, с модификацией причастной клаузой, ср. [*midanan iže gunt' xu*] *žiḡa* 'место, в котором настолько хорошо собрались' и [*čün ic'ase punde*] *q'ur* 'зерно, про которое вы говорили, что дадите'. В письменном тексте 12 полных ИГ, содержащих причастные определения среди них нет. Интересно, что в устном тексте главный герой лишь один раз обозначен собственно как 'Молла Насреддин' (в письменном тексте — дважды); однако здесь не надо забывать, что оба текста по сути представляют собой фрагменты больших по объему рассказов с этим персонажем.

Местоимения и нулевая анафора. В обоих текстах активно используются личные (1-е и 2-е лицо) и указательные местоимения (для референции к 3-му лицу). В агульском четырехчастная система демонстративов, в обоих рассказах использовано только две из четырех основ. В устном тексте для референции к главным героям демонстративы использованы трижды: ближний демонстратив *te* — по отношению к Молле (1 раз) и дальний *ge* — по отношению к сельчанам (2 раза). В письменном тексте *te* использован по отношению к Молле 3 раза, *ge* — 1 раз по отношению к сельчанам и 1 раз по отношению к вещам, которые Молла взял на кладбище.

Зависимые клаузы. В устном тексте, как упомянуто выше, использованы две модифицирующие причастные клаузы; в письменном тексте таких определений нет. Помимо этого, в обоих текстах имеется по две зависимых клаузы с перфективными деепричастиями, выражающими предшествование, и по одной зависимой клаузе с имперфективным/стативным деепричастием, выражающим одновременность. Имеется также случай, когда в одном и том же контексте в устном тексте использована финитная конструкция ('Ты нас сегодня не смеси...'), тогда как в письменном — зависимое с условным конвентом ('Сегодня, если ты с нами не пойдёшь...').

Частицы и дискурсивные показатели. В устном тексте имеется заимствованная гортативная частица *dawaj* и императивное междометие *ta* 'на, возьми', используемое в функции привлечения внимания адресата. Вообще, фраза 8 устного текста ('Ну вот, попробуй тут не засмейся') представляет со-

бой яркий пример внесения рассказчиком оценочного компонента в нарративную последовательность. Другое характерное именно для спонтанного дискурса явление — использование во фразе 4.1 из устного текста слова-заместителя *fit:is* ‘в это самое’, букв. ‘во что’ (местоимение ‘что’ в дативе). Здесь вопросительное слово использовано в функции маркера препаративной подстановки, временно замещающего выражение, для которого говорящий в данный момент не находит вербализации (в 4.2 эта вербализация уже порождается, ср. *naq 'varildi* ‘на кладбище’). В агульском языке конвенциональными средствами препаративной подстановки являются именно вопросительные местоимения (Ganekov et al. 2010); о важности учета подобных единиц при транскрибировании устного дискурса см. (Кибрик, Майсак 2021: 38–39).

Прочие различия. Можно отметить, что, помимо частицы *dawaj*, в устном тексте имеются и другие русизмы (*sa авторитетный, почетный kas* ‘один очень уважаемый человек’ в 1.2). Также бросается в глаза непоследовательность выбора глагольных форм в основной линии нарратива: если в письменном тексте в роли вершины финитных нарративных клауз 9 раз использован аорист, то в устном 5 раз использован перфект (выражающий косвенную засвидетельствованность), 2 раза сочетание аориста с показателем заглазости *vaj* ‘говорят’ и по 1 разу аорист и презенс. Подобное «смещение» стратегий в целом характерно для агульских устных нарративов и, несомненно, отражает спонтанность порождения дискурса.

Таким образом, рассмотренные тексты демонстрируют такие из ожидаемых различий устного и письменного модусов, как большее число предложений и клауз в устном тексте, наличие в нем императивных частиц и междометий, оценочных компонентов, а также явления препаративной подстановки. Сюда же можно отнести и «смешанное» оформление основной линии нарратива с точки зрения выбора глагольных форм. Такие явления, как длина клаузы в словах, наличие полных ИГ и зависимых клауз, использование анафорических средств, не противопоставляют в явном виде устный и письменный варианты или даже противопоставляют их «не в пользу» устного (например, с точки зрения наличия причастных определений). Безусловно, ряд решений и подсчетов носит предварительный характер; кроме того, нельзя не принимать во внимание тот факт, что оба текста имеют очень небольшой объем, не полностью идентичны по содержанию и представляют разные говоры. Тем не менее, с определенными оговорками и на примере агульского языка мы видим, что «младописьменный язык, который не мог “успеть” выработать специальные конвенции для письменного модуса, немедленно развивает те же особенности, что и языки с длительной письменной традицией» (Кибрик 2009: 9).

Дополнительные материалы. Полностью тексты, рассматриваемые в статье, в глоссированном виде доступны по ссылке: <https://tinyurl.com/rz33hm9u>.

Литература

- Кибрик А.А. 2009. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, № 2, 3–21.
- Кибрик А.А., Майсак Т.А. 2021. Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований. *Rhema. Рема*, № 2, 23–45.
- Мазанаев Ш.А., Базиева З.М. 2014. *Агульский фольклор (от устного народного творчества — к литературе)*. Махачкала: ДГУ; ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Майсак Т.А. 2014. *Агульские тексты 1900–1960-х годов*. М.: Academia.
- Ganenkov D., Lander Yu., Maisak T. 2010. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives. In: N. Amiridze, B.H. Davis, M. Maclagan (eds.). *Fillers, pauses, and placeholders*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 95–118.